

Jurišić Blaž. Rječnik govora otoka Vrgade. Uspoređen s nekim čakavskim i zapadnoštokavskim govorima. II dio. Rječnik. Zagreb, 1973; Čakavisches-deutsches Lexikon. Teil I. Von Mate Hraste und Petar Šimunović. Unter Mitarbeit und Redaktion von Reinhold Olesch. Slavistische Forschungen 25/I. Böhlau Verlag. Köln — Wien, 1979¹

Чакавский диалект, один из трех основных диалектов сербохорватского языка, охватывает Истрию, Хорватское Приморье и все острова далматинского побережья². Небольшие вкрапления чакавского диалекта наблюдаются в штокавско-икавской области в Сене и Жумбераке. В XVII в. в эпоху турецкого нашествия усилились миграции населения, что привело к появлению штокавского элемента в отдельных точках исконно чакавской территории (на о. Паг, Маслиница на о. Шолта, Сумартин на о. Брач, Сучурай на о. Хвар, Рачишче на о. Корчула). В пределах чакавского диалекта, некогда образовавшего единство в фонетике, морфологии, лексике, синтаксисе, существуют небольшие местные различия, по которым в самом общем виде чакавскую область делят на две части: северо-западную и юго-восточную. Письменная традиция чакавского диалекта восходит к началу XII в. (Bašćanska ploča). Вся литература, вышедшая из Истрии, Хорватского Приморья и чакавской Далмации с XII по XVII в., написана на чакавском или преимущественно чакавском диалекте. Исследования, посвященные чакавскому диалекту, в большинстве своем представляют описания говоров с небольшими списками диалектных слов. «Большой недостаток лингвистики, — пишет известный исследователь чакавского диалекта М. Храсте, — состоит в том, что у нас нет еще ни одного словаря чакавского диалекта, за исключением незначительного списка слов в монографиях об отдельных говорах»³. Этот существенный пробел, если не в полной, то в значительной степени, восполняют опубликованные в недавнее время два словаря, один из которых содержит лексику маленького о. Вргада (с населением в 500 человек), а другой — представляет лексику всей средней Далмации. Словарь о. Вргада (на 8 тыс. слов) являет собой результат пятидесятилетней собирательской деятельности Б. Юришича, сделавшего первую запись в 1908 г., а последнюю в 1960 г. Б. Юришича интересует лексика живого языка частично в сопоставлении с данными чакавского и западноштокавского диалектов. Выходу в свет словаря предшествовала публикация очерка фонетики, морфологии говора о. Вргада. Издание «Чакавско-немецкого словаря» осуществлено Славистическим институтом Кёльнского университета совместно с Институтом языка при Югославянской Академии науки и искусства. Начало этого большого лексикографического труда связано с именем М. Храсте, им проделана основная работа по сбору лексического материала. После кончины М. Храсте работу над чакавским словарем продолжил его ученик П. Шимунович. Оба автора за основу взяли лексику родного говора (дер. Брусье на о. Хвар

¹ Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность Н. И. Толстому за любезно предоставленную возможность ознакомиться с названными словарями чакавского диалекта.

² *Hraste M.* Čakavski dijalekt. — В кн.: *Enciklopedija Jugoslavije*, t. 4: *Hil.-Jugos.* Zagreb, 1959, с. 506—508.

³ Там же.

и дер. Драчевица на о. Брач), и далее эта основная часть была расширена и дополнена материалами из других населенных пунктов о. Хвар и Брач; в обследуемую территорию были включены также о. Вис, Шолта и ряд островов между Омишем и Трогиром. Завершающий этап работы, связанный с обработкой лексического материала и подготовкой его к печати, проходил под руководством Р. Олеша. Авторы не ограничиваются приведением лишь собственных записей, в словарь активно включаются материалы из работ, уже опубликованных по чакавскому диалекту. К словарю приложены библиография по чакавскому диалекту и составленное П. Шимуновичем краткое описание фонетики, морфологии, синтаксиса.

Оба словаря, следуя разным принципам в подаче материала, представляют лексику чакавского диалекта не дифференцированно, что очень важно и в полном объеме. Б. Юришич сопровождает заглавное слово подробным перечислением словоформ и сообщает некоторые сведения о представленности лексемы в Словаре Югославянской Академии и Загребском словаре. Слова объясняются кратко и далеко не во всех случаях. «Чакавско-немецкий словарь» построен по принципу двуязычного словаря с подробным, четким толкованием значений и богатым иллюстративным материалом. Словари привлекают ономастический материал о. Вргада, Хвар, Брач и Вис, названия населенных пунктов, этнонимы, гидронимы, названия земель и городов.

Издание названных словарей можно считать знаменательным явлением славянской лексикографии уже потому, что они преодолевают разрозненность, фрагментарность представлений о словарном составе чакавского диалекта и впервые дают в распоряжение исследователя довольно полное, богатое собрание чакавской лексики. Периферийное, островное положение при отсутствии сколько-нибудь значительных миграций до XVII в. определили непрерывность исторического развития и некоторую автономность чакавского диалекта, сохранение в его структуре архаичных черт. Именно в силу своей архаичности чакавский диалект дает много ценного и поучительного материала не только для истории сербохорватского языка, особенно развития его акцентных отношений, но и для решения этногенетической проблемы формирования южнославянской языковой группы. Лексика чакавского диалекта еще ждет своего изучения и оценки с самых разных сторон и точек зрения. Оставляя в стороне разные аспекты в исследовании чакавской лексики, мы попытаемся дать оценку названным выше словарям и показать их значение для решения одной важной проблемы реконструкции праславянского словаря и связанной с ней проблемы реконструкции диалектной карты праславянского языка. Идея автономности, самостоятельности праславянских состояний лексики славянских языков и диалектов⁴ ориентирует на воссоздание первоначального состава чакавского словаря, на выявление его основного ядра, специфических особенностей, отличий путем последовательного снятия более поздних хронологических наслоений. Самый верхний, значительный по количеству слой лексики составляют заимствования преимущественно романского происхождения, что вполне понятно и объяснимо, если учесть, что Далмация и примыкающие к ней острова исторически находились

⁴ *Трубачев О. Н.* О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков. — В кн.: Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963, с. 152.

в сфере романского влияния. Нижний, архаичный слой включает праславянские образования, разные по структуре, хронологической отнесенности, направлению внешних связей. Нас интересует в первую очередь праславянское наследие чакавского диалекта, и в рамках настоящей рецензии мы лишь кратко коснемся тех проблем, которые встанут при исследовании архаичных явлений чакавской лексики, представляемой указанными выше словарями.

При восстановлении праславянского лексического фонда южнославянских языков один из лингвогеографических аспектов исследования связан с выявлением лексической общности диалектов северо-западного региона — чакавского, кайкавского, щачкавского, западноштокавского. В значительной степени лексическое сходство этих диалектов обусловлено причинами генетического характера, но какая-то часть общих явлений сложилась на новой родине в условиях активных междиалектных связей. В лексико-семантических связях диалектов западной части южнославянских языков особое место занимают чакавско-кайкавские отношения. Изучение названных выше словарей показывает, что заслуживают внимания и выделения отдельные явления из области чакавско-словенских лексических связей. Остановимся на некоторых из них:

чак. *brazgõtina* 'рубец, шрам' (Хвар) и словен. *brazgotina* то же (Pleteršnik I, 52), производные от *brazda* (< *borzda) с общим фонетическим переходом *zd* > *zg*⁵;

чак. *čëdan* 'простой, скромный' (Хвар), хорв.-кайк. *čëdan* 'скромный' (с XVIII в.)⁶ и словен. *čëden* 'чистый, скромный', 'невинный' < **čerdb-*нъь⁷;

чак. *gāja* 'узкая полоса земли' (Хвар) и словен. *gáj* в одном из значений 'часть пашни' (Pleteršnik I, 206) при общеслав. *gajъ 'лес', 'роща'⁸;

чак. *gnida* 'маленький кусочек, чуть-чуть' (Хвар), *gnidica* то же (Брач) и словен. *gnida* 'немножко, чуточку' (Pleteršnik I, 222), для которых Ф. Безлай находит соответствия в северногерманских языках: норв. диал. *gnita* 'маленький кусочек', дат. диал. *gnit* 'кусочек' и т. п.⁹;

чак. *golta* анат. 'челюстная кость' (Вис, Комижа) и словен. *golta* = *golt* 'кадык' (Pleteršnik I, 229);

чак. *goluzät se*, *goluzôn se* сов. в. 'оголиться' (Вис) и словен. *goluzniti* 'сбрасывать кожу' (Pleteršnik I, 230), которые, по Скоку, развились из *gologuz-*¹⁰;

чак. *kolobôr*, *kolobârâ* 'световой круг', 'венец вокруг головы' (Хвар); 'круги, тени под глазами' (Брач), хорв.-кайк. *kolobâr* (Белостенец, Жумберак; с XVI в.) и словен. *kolobar* 'круг; венец вокруг луны или солнца', 'круглая шайба', 'цикл' (Pleteršnik I, 425) с не совсем ясными этимологическими связями¹¹;

⁵ Skok I, с. 203—204; s. v. *brázda*; RJA I, 613: *bràzgôt*, *bràzgotina* (с XVI в.) со ссылками на Вранчица, Стулли, Белостенца.

⁶ См.: Słownik prasłowiański, II, с. 191.

⁷ ЭССЯ 4, с. 63—64.

⁸ ЭССЯ 6, с. 85—86.

⁹ Bezlay F. Eseji, s. 115.

¹⁰ Skok I, с. 582; s. v. *gô*².

¹¹ По одной из этимологических версий представляет сложение *kolo* + *bar*, последняя часть возводится к гнезду с слав. *berq в его индоевропейском

чак. *prūdan* 'нужный' (Вргада), *prudīt* 'использовать' (Црес), *prūditi* то же (с XV в. Вук, Приморье) и словен. *prud* = *pid*, *prida* 'нужда, польза, выгода' (Pleteršnik II, 301). Появление не сводимых друг к другу огласовок *u* и *i*, если последнее не из *y*, можно объяснить лишь сближением этимологически разных основ, одна из которых (*prud*), как думает Скок, обязана влиянию роман. *prōde*, лат. *prōsum*, *prōdesse* 'быть полезным', а другая *pid* сложилась на основе сочетания приставки *pri-* корня *dē-*¹³;

чак. *prīsliga* (Вргада), *prīsliga* (Хвар) 'седловина' и словен. *preslegast* 'имеющий пропуск, пробел' (Pleteršnik II, 274), ср. также кашуб. *pre-slaga* 'луг, заходящий клином в поле', рус. диал. *переслега* 'брак в пряже' < **per-sъ-leg-/log-*;

чак. *tiñāti* (Вргада) и словен. *tinjati* 'тлеть, слабо гореть' (ю.-в. Штирия)¹³.

Даже из этой небольшой подборки примеров видно, что рассматриваемые словари содержат богатый материал для наблюдений и размышлений о региональных явлениях в области лексики. В ряде случаев чакавский диалект является единственным источником сведений о словах, утраченных или слабо засвидетельствованных другими славянскими языками. Примером такого праславянского диалектизма, ограниченного по преимуществу чакавской областью, может служить слово *sprūča* 'мот' (Брач, Драчевица). Вместе с гл. *sprūčīt*, *sprūčiti*, *sprūčim* 'растратить, сорить деньгами', отмеченными Скоком для о. Хвар и Брач, оно, по всей видимости, может считаться отражением и.-е. основы *(*s*)*preu-k*, представляемой в балтийских языках лтш. *sprukt* (*sprūku*, *spruku*) 'отступать, ускользать, убежать', *spruksts* 'то, что подвижно; прыгун'. Вариант этой основы с расширителем *-g* в рус. *прыгать*¹⁴. Словари чакавского диалекта вводят в научный обиход новые факты лексики, которые дополняют и расширяют представления о географии слова и вместе с тем углубляют базу этимологических исследований. Так, чак. *brūn*, *brūnā* 'прыщ, волдырь, гнойник, оспа', мед. 'утолщение, опухоль от укуса' (Брач, Хвар), сопоставленное с рус. диал. *брунь* 'колос, метелка овса или проса', 'сосульки, в которые смерзается шерсть на лошадиной морде в морозную погоду'¹⁵, дает основание для реконструкции праслав. *brunь в качестве основы, производящей для **brunьka*¹⁶. Чак. *čičāti* 'дуть' (Вргада) вместе с с.-хорв. *чич* 'сильная стужа, холод', *čić* 'иней' расширяет круг слов, родственных рус. диал. *чичер* 'холодный ветер с из-

---

значении 'нести, вести'. См.: Варбот Ж. Ж. К соотношению славянской этимологии и праславянской морфонологии (в истолковании сложных слов). — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 117—118.

¹² Скок III, с. 60; Miklosich, S. 44. Следует, видимо, признать несостоятельным сближение *prud* с др.-в.-нем. *fruoet(i)* (< *prōt) 'благоразумие, ум', по причине глубоких различий в корневом вокализме, см. Miklosich, S. 266.

¹³ Скок II, с. 472.

¹⁴ Pokorny I, s. 995; Fraenkel, S. 883; Скок III, с. 426; RJA XVI, 67, с. 139; с пометой: на Брачу.

¹⁵ Новосиб. словарь, с. 44.

¹⁶ ЭССЯ 3, с. 47; Słownik prasłowiański I, с. 387.

моросью и дождем; осенний дождь с холодным ветром'¹⁷. Интересным архаизмом является чак. *brěčäk, brěška* 'оплодотворенное яйцо' (Брач). В словаре Югославянской Академии с.-хорв. *brěče, brěča* f. pl. 'vinasea' и *brěče, brěča* то же¹⁸ приводятся со ссылками на словари прошлого века (Вук, Белли, Стулли) и указанием на возможность заимствования лат. *brace, bracium* 'hordeum aqua maceratum, ex quo fit cerevisia'. Чак. *brěčak* с несколько видеоизмененным значением 'оплодотворенное (т. е. мутное, с осадком) яйцо' является фактом живого языка и, судя по значению, не заимствовано, а исконно и родственно слав. *brěča / *brěčka (ср. словен. *brěča* 'древесный сок', ст.-чеш. *břečka* 'медовое сусло', словац. *břečka* 'жидкое, кашеобразное вещество, нечистая жидкость', 'бурда' и т. п.)¹⁹. Чак. *brūdati se* (ср. *brūdati se ů mōru* 'стоять в воде долго, пока кожа не сморщится'), *nabrūdati se* 'сморщиться в воде' (Вргада), нигде более не представленное, Б. Юришич, вслед за Вондраком, сближает с лит. *brįdau, brįdoti* 'стоять в воде'. В таком случае чакавский диалектизм соотносится с слав. *bresti / *broditi* и отражает ту линию лексико-семантического развития, которая сближает его с балтийскими языками.

Словари чакавского диалекта содержат интересные образования с архаичными приставками *ko-*; *če-*, *še-*. Примером сложения с приставкой *ko-* (+ *motati*) может служить гл. *okomotāt, okomotōn* сов. в. 'завернуть, обернуть' (Брач, Драчевица), *okomotāti = omotati* то же (Вргада), неизвестный другим словарям в форме *komotati, без первой приставки *o-* < *ob-*. Старое образование с приставкой *če-* представляет чак. *čepīžiti se, čepīžin se* несов. в. 'упираться' (Хвар, Врисник), нигде более не отмеченное на южнославянской территории. Судя по употреблению этого глагола во фразе *Pāhaj vītra se čepīži pāvar gronē na ventānu* (Порыв ветра упирается в ветки, выступающие за крону дерева), значение 'упираться' является не прямым, а вторичным, соотносительным в плане семантической деривации с основным значением 'ком, нечто круглое', представляемым рус. *пыж* 'ком; карапуз', блр. *пыжык* 'толстый блин из кислого теста'²⁰, словац. *pīga* 'округлая, обструганная деревянная палка, употребляемая в игре'²¹. Праслав. *če-pyžiti объединяет чакавское слово с рус. диал. *чепыжиться* 'рядиться, щегольски одеваться', 'чваниться', 'величаться'.²² Два других образования с приставкой *še-* частично известны штокавскому диалекту. Это — чакавское отглагольное *šavardālo* 'неприметный, неказистый человек' (Брач, Вис) при шток. *ševrđalo* 'ненадежный человек', *ševrđati* 'увиливать, уклоняться от работы' < *še + vrdati*²³; чак. *švrljati* 'спотыкаться, бродить' (Вргада) при шток. *švrljati* соотносительно с гл. *vъrlати* 'бросать', 'слоняться, шататься' < *xvъrliti / **xvъrl'ati*.²⁴

¹⁷ ЭССЯ 4, с. 110.

¹⁸ RJA I, с. 621, 574.

¹⁹ ЭССЯ 3, с. 15.

²⁰ Шаталава Л. Ф. Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975, с. 146.

²¹ Buffa F. Nářečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953, с. 195.

²² ЭССЯ 4, с. 58. Słownik prastowiański I, с. 142.

²³ Skok III, с. 390.

²⁴ ЭССЯ 8, с. 135.

Рассматриваемые словари содержат немало собственно чакавских слов, которые построены по известным словообразовательным моделям и имеют интересную структуру. Для примера укажем следующие случаи:

spřga 'сухая доска', соотносительное с гл. *spřžit*, *spřžin* 'сжечь', 'высушить, выжарить' (Брач) < **pręg-* / *pražiti* 'frigere'²⁵;

svôrz м. р. 'шкварки', родственное слав. **vergti*²⁶;

svriž м. р. 'царапина, шрам, укол' (Брач, Драчевица) и соотносительное с ним *svrižât*, *svrižôn* сов. в. 'царапать, марать' (там же) содержит основу **verg-*, представляемую, по данным словаря Скока, только хорв.-серб. *vrijêža* (Вук; екав. Бачка), *vreža* 'стебель, дыня'²⁷;

sprûgâ, *sprûjâ* 'копье, пика' (Брач), производное от *pruga* 'полоса, линия';

prûgoj, *prûgja* м. р. 'силки для птиц' (Хвар, Врисник) при общеслав. **pręglo*²⁸;

tûšć, *tûšća* м. р. 'растение с толстыми листьями, прикладываемое к ране' (Вргада), ср. прил. *tûst* 'толстый';

pôtika 'порча, причиняемая давлением, сжатием' (Брач, Драчевица), родств. *telkti;

pišćâk, *pišćâkâ* 'источник' (Брач), *pišćâk* то же и 'трубчатый панцирь морских моллюсков', 'прививка на лозе' (Вргада) от гл. *piskati при шток. *pîštet* 'маленький источник' (Герцеговина), *pištôljina* то же (Космет)-и т. п.²⁹

В словарях чакавского диалекта в живом, активном употреблении находим слова, которые по другим лексикографическим источникам считаются устаревшими, утраченными или слабо засвидетельствованными. По данным словаря Югославянской Академии, слово *pričač*, исходное для общеупотребительного *priča*, принадлежит старому языку и чакавскому диалекту³⁰. Словари чакавского диалекта подтверждают существование этого слова: *pritàč*, *pritàčica* 'рассказ, сказка' (Хвар, Вргада). Для гл. *mititi* 'минуть, пройти', засвидетельствованного лишь несколькими примерами в Словаре Югославянской Академии³¹, находим подтверждение в рассматриваемых словарях: *mititi* 'пройти мимо' (Вргада), *mitît*, *mitin* сов. в. 'исчезнуть', 'пройти (о времени)' (Брач, Драчевица). Это, видимо, старый глагол, родственный ст.-слав. *митѣ* 'попеременно', болг. *намито* 'поперек, косо' и далее лтш. *mitēt* 'изменять' и т. д.³²

Ценность словарей чакавского диалекта определяется еще и тем, что диалектные материалы помогают понять значение слов, отмеченных единичными примерами. Для раскрытия значения с.-хорв. *poprutac*, *poprusa*, которое в Словаре Югославянской Академии приводится как неясное со ссылкой на хорватскую народную песню (Da uhitiš vile nadanojle i digneš joj krilo i uzglavje, iza glave popruse od zlata)³³, очень важно чак.

²⁵ *Skok* III, с. 63.

²⁶ RJA XVIII, 72, с. 432: *svřž* 'ветка' (Витезович, Белостенец, Ямбрешич).

²⁷ *Skok* III, с. 628.

²⁸ Там же, с. 31.

²⁹ *Skok* II, с. 664.

³⁰ RJA XII, с. 51.

³¹ RJA VI, с. 777.

³² *Фасмер* II, с. 628; *Skok* III, 291; s. v. *smast*.

³³ RJA X, с. 824.

poprušnica 'хворост, прутья' (Хвар) с несомненной корневой частью *prqt-> *prut* 'virga'³⁴. Далее можно отметить интересные в семантическом отношении чак. *razorīt se* 'светает' (Брач), *oblōk* 'лужа' (Брач), *pot* 'зной' (Брач), *kūžel* 'водоворот' (Вргада)³⁵, тождественное, видимо, слав. *kqželъ 'часть прялки' (в плане семантической взаимосвязи ср. с.-хорв. *kōlovrat* 'самопрялка' и 'водоворот').

Приведенные нами примеры имеют целью показать ту несомненную пользу, которую может получить от чтения новых словарей чакавского диалекта не только исследователь сербохорватского языка, но и славист, интересующийся разными аспектами развития праславянского языка. Можно с уверенностью сказать, что оба словаря прочно войдут в научный обиход и станут надежным лексикографическим источником при исследовании вопросов исторического словообразования, акцентологии, семантики. Названные словари создают прочную основу для дальнейших поисков новых этимологических решений и реконструкции диалектного состава праславянского лексического фонда.

Л. В. Куркина

Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка, т. I (А—Б). Под ред. И. С. Галкина. Йошкар-Ола, 1979, 255 с.

В 1979 г. вышел из печати первый том «Этимологического словаря марийского языка» (далее — ЭСМЯ), создаваемого Ф. И. Гордеевым, известным специалистом по ономастике и истории заимствований в марийской лексике.

Принципы построения ЭСМЯ кратко изложены в вводных разделах (с. 6—29). По типу словарь определяется самим автором «как сравнительно-исторический справочник с учетом достижений современной марийской лингвистики, финно-угроведения, а также тюркологии, иранистики, славяноведения и баллистики» (с. 7—8).

Словарная статья открывается обычно словом лугово-восточного марийского литературного языка. Поэтому марийская часть в словаре оформляется в соответствии с правилами современной марийской графики и орфографии. Этим же нормам подчинено написание диалектной лексики, в том числе и узких ввелитературных слов (с указанием во всех возможных случаях границ их распространения — в одном или нескольких говорах того или иного марийского наречия). Сюда же относятся и окказионализмы, привлекаемые в немалом количестве из произведений марийской художественной литературы, а также редкие лексемы, зафиксированные в памятниках письменности прошлых столетий.

Сравнительно-сопоставительные материалы даются в основном с сохранением графики и орфографии используемых источников, но некоторые буквенные обозначения заменяются в ЭСМЯ знаками кириллицы или латиницы, «более или менее сходными по функции» (с. 9). Совершенно очевидно, что на подобные графические замены автор вынужден был пойти по техни-

³⁴ *Skok* III, с. 36—37: s. v. *prētati*.

³⁵ *RJA* V, с. 844; с XVI в., со ссылкой на словарь Белостенца и пометой «неясно».